Анна Желнина

Свобода от политики: «обычная» молодежь на фоне протестов

В статье на основе на данных европейского проекта MYPLACE (Memory, Youth, Political Legacy, and Civic Engagement) анализируется феномен активного отстранения от политики («антиполитичной» позиции) среди молодежи в России. «Антиполитичная» позиция, предполагающая отношение к политике как чуждой области, в которой любая активность бессмысленна, может сочетаться с информированностью о политических событиях в стране и участием в гражданских инициативах, которые, однако, не воспринимаются как политические. Типичным для молодых респондентов оказываются сочетание ценностей свободы и самореализации в приватной сфере и идеи сильной власти в масштабах страны. Причинами отчуждения от политики называются недоверие к институтам формальной политики и низкий уровень взаимного доверия в обществе.

Ключевые слова: молодежь, политика, гражданское участие, индивидуализация, персонализированная политика, Ульрих Бек, свобода, самореализация, доверие.

Anna Zhelnina. Freedom from Politics: Non-activist Russian Youth at the Background of Political Protests of 2011–2012

The research conducted in the framework of the MYPLACE-project (Memory, Youth, Political Legacy, and Civic Engagement) reveals the main features of the anti-political attitudes of contemporary Russian youth. Anti-political attitudes and interpretation of politics as an 'alien' domain where any activity is senseless can be accompanied by awareness of political processes and even participation in civic initiatives which, however, are not seen as 'political'. Our respondents often combine the values of freedom and self-fulfillment in the private domain and the idea of the 'strong power' on the national scale. Among the reasons for alienation from politics there are distrust towards formal politics, as well as the generally low level of trust in the society.

Keywords: youth, politics, civic engagement, individualization, personalized politics, Ulrich Beck, freedom, self-fulfillment, trust

---

Желнина Анна Александровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра молодежных исследований, доцент кафедры социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, преподаватель факультета свободных искусств и наук СПбГУ (Смольного института). Научные интересы: политическая социология, социология города, активизм, молодежь.

В фокусе исследований протестных движений оказываются, как правило, мобилизованные и вовлеченные активисты. Контекст движения и группы, которые им не мобилизованы, представляются не менее важными для понимания динамики протеста, причин его успеха или затухания. Молодежь традиционно считается аполитичной группой, однако страны Европы, Северной Африки и Северной Америкой дали в последние годы ряд примеров быстрой политизации молодых людей, становящихся главной силой радикального протеста.

Статья основана на исследовании, проведенном в рамках MYPLACE (Memory, Youth, Political Legacy and Civic Engagement)[1]. Данный международный проект исходит из необходимости преодолеть привычные определения молодежи как «неучаствующей». Он ставит своей задачей дать многостороннюю характеристику отношения молодых людей к политике, в том числе выявить их взгляды на политические организации и общественные движения, предпочитаемые формы гражданского участия в контексте национального опыта демократии, процессов воспроизводства и интерпретации исторического наследия и др.

Эмпирическую базу статьи составляют глубинные интервью, взятые в Санкт-Петербурге (Фрунзенский район)[2] и Ленинградской области (город Выборг), и посвященные политической вовлеченности и отношению к политическим процессам в стране[3]. В выборку вошли по 30 юношей и девушек в возрасте 16–20 лет (23 человека) и 21–25 лет (37 человек). Участники интервью рекрутировались из респондентов ранее проведенного анкетного поквартирного опроса (1200 опрошенных). Подбор респондентов был сопряжен с трудностями, поскольку политическая тематика вызывает у многих отторжение. Однако в итоге выборка оказалось достаточно разнообразной, в том числе с точки зрения политической осведомленности и политических взглядов. Спе-

---

1 В статье излагаются результаты проекта, поддержанного в рамках седьмой рамочной программы ЕС [FP7/2007–2013] [FP7/2007–2011], грантовое соглашение FP7–266 831. Российская часть проекта реализована на базе Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ и НИЦ «Регион» Ульяновского государственного университета. Проект реализуется в 14 странах, в данной статье используются только данные по России.

2 Значительную часть административного Фрунзенского района составляет Купчино, окраинный район с репутацией социально неблагополучного. — *Ред.*

3 В сборе интервью принимали участие сотрудники Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге и НИЦ «Регион» Ульяновского государственного университета: А. Желнина, Я. Крупец, Г. Сабирова, Н. Федорова, М. Кулева, С. Сенатов, Д. Литвина, А. Фомина, Ю. Андреева, А. Зиновьев.

цифика исследования в России задана контекстом выборов и массовых протестов 2011–2012-х годов, вызвавших заметную политизацию части молодежи. Сбор интервью пришелся на период спада протестного движения (ноябрь 2012 — февраль 2013 гг.). Среди респондентов обнаружились как сторонники, так и противники движения «За честные выборы», а также молодые люди, относящиеся к протестам нейтрально или безразлично. Состав респондентов позволяет изучить взгляды обычной молодежи в отличие от большинства исследований общественных движений, сфокусированных на активистах.

Молодежь и политика: Россия на фоне Европы

Превращение молодежи в главное действующее лицо политических изменений в Европе последнего десятилетия [Collin, 2007] доказывает, что показатели голосования на выборах и членства в партиях в актуальной ситуации недостаточны для оценки политической вовлеченности. Важность исследования более широкой картины подтверждается опытом протестов в Греции 2010–2012-х годов, «Арабской весны» 2011 г. и движения Occupy Wall Street 2011–2012-х годов, в которых движущей силой радикального протеста стала молодежь, раньше казавшаяся аполитичной, заинтересованной только в удовольствиях и потреблении [Douzinas, 2013, Cavatorta, 2012]. Переход из неполитизированного состояния в протестное во всех перечисленных случаях происходил за очень короткое время. Привычные инструменты измерения политизации не помогают предсказать и объяснить такой переход. Л. Беннет [Bennett, 2012] связывает новые формы политического участия, в частности, движение Occupy Wall Street, с *персонализацией политики*, при которой участие в коллективном действии становится ненужным и невозможным, что не означает, тем не менее, отказа от политического участия вообще. Отличительными чертами персонализированной политики Л. Беннет называет высокую значимость личной свободы, терпимое отношение к разным точкам зрения внутри движения, идентификацию с движением посредством фреймов персонального действия, не требующих включения в сеть активистов. Важной характеристикой политики нового типа становится connected action (вместо collective action) — мобилизация единомышленников для участия в уличных акциях через социальные сети. Персонализация политики проявляется, в частности, в особых повседневных потребительских жестах: бойкоте или, наоборот, приобретении (buycott, «байкот»[1]) товаров по идейным соображениям. Персонализированная политика

1 От английского *buy* (покупать, покупка). — *Ред.*

не предполагает обязательного создания солидарного коллектива протестующих и включения в него, делает возможным частное участие под индивидуальными лозунгами.

Ульрих Бек [Beck, 2011] определяет политическую индивидуализацию молодежи как одну из составляющих аналогичного мирового процесса. Предполагается [Ibid., 2011, p. 158], что молодежь отвергает традиционную политику за ее формализм и лицемерие. Молодые люди, по У. Беку [2011, p. 159], «аполитичны, но в очень политизированном ключе». «Антиполитичность» рассматривается как сознательный выбор в условиях, когда традиционная политика национальных государств больше не отвечает задачам нового глобального общества. Бек призывает политиков перестроиться, поменять повестку дня и сделать политику более «веселой» (politics of fun) и близкой людям.

Концепт индивидуализации У. Беха представляет собой новый подход к анализу политического участия молодежи, дополняющий два традиционных. До сих пор, по замечанию Р. Фартинг, молодежь считалась или аполитичной и несознательной, требующей обучения и вовлечения, или «политизированной по-другому», т. е. проявляющей активность не в формальной политике, а в сферах культуры и повседневности [Farthing, 2010].

Россия представляет собой отдельный случай. Российская молодежь похожа на западную сниженным по сравнению со старшим поколением интересом к партиям и выборам [Eurobarometer, 2009]. Однако в отличие от Европы и Северной Америки, где политическое протестное участие представляет собой обычный этап жизненной траектории, российская молодежь, как правило, не склонна к политизации [Ерпылева, 2013; Омельченко, 2005]. Радикальная протестная активность, отмеченная в Греции и в Южной Европе в целом, в России почти отсутствует [Ерпылева, 2013]. Политизация российской молодежи тормозится привычной установкой взрослых, в том числе гражданских активистов, согласно которой подростки и молодые люди — это, прежде всего, объект, нуждающийся в заботе и представительстве своих интересов [Омельченко, 2005; Ерпылева, 2013][1]. Такая же позиция обнаруживается, впрочем, в государственной молодежной политике западных стран [Омельченко, 2005].

Тем не менее, сближение форм протеста в России и западных странах при всех содержательных отличиях обнаружилось в мае–июне 2012 г., когда движение «За честные выборы» в ряде крупных городов приняло форму «оккупаев» с ассамблеями (Оккупай Абай и Оккупай Арбат в Москве, Оккупай Исаакиевская в Петербурге

1 См. также статью С. Ерпылевой в этом выпуске журнала. — *Ред.*

и др.). Одной из причин стало, вероятно, разочарование участников движения в традиционных митингах с партийными лидерами и речами со сцены. Проверить, обнаруживаются ли в России черты описанной У. Беком и Л. Беннеттом «персонализированной политики», — одна из задач нашего исследования.

Персонализированная политика: свобода, терпимость, красота

Характерные черты персонализированной политики обнаруживаются в значительной части интервью с молодыми респондентами в России.

Респонденты охотно заявляли о своей аполитичности, понимая под политикой, как правило, деятельность формальных политических институтов: политика как «*сотрудничество между странами. Политика — рынок*» (Vera[1]), политика как «*политические деятели, которые, значит, в партиях состоят, в Думе, в правительстве и там, все прочее. Вот они — политики*» (Sergei)[2].

Опыт гражданской активности — подписание петиций (против строительства Охта-центра в Петербурге, в защиту животных и др.), участие в партийном строительстве и т. п. — не считался политическим, если подобная деятельность была для респондентов-участников «интересной», «веселой», «для себя» и т. п.

Молодые люди при описании своей жизни, положения в обществе активно прибегали к понятиям свободы, права, выбора: «*Я такой свободный человек, что вот хочу, то и делаю. Ну, в плане там, законы-то я не нарушаю, в принципе я и не хочу их нарушать. А все остальное, захотела, туда пошла, захотела то сделала. Насильно никто ничего не заставляет*» (Raisa).

Такой же типичной чертой оказывается терпимость к выбору других, признание за другими права на отличие от большинства: «*Я не пойду голосовать за гей-парад, я поддержу, если человек нашел близкого человека. Он считает, что он близкий и по духу, и по всему, хочет жить с ним. Должно быть какое-то разочарование, человек должен к этому прийти, это его выбор*» (Serafima)[3].

---

1 Здесь и далее имена респондентов изменены, интервью даны на условиях анонимности.

2 Относительно редким примером альтернативного понимания политики как участия граждан служит респондентка с опытом участия в движении «За честные выборы»: «*Это наверное то, что сейчас у нас какие-то оппозиционные движения, Твиттер, что-то такое*» (Serafima).

3 Подобная терпимость не исключает, впрочем, негативного отношения к отдельным группам, прежде всего, ЛГБТ и мигрантам.

Политическая деятельность представляется одним из возможных стилей жизни, который выбирают по своему усмотрению люди, которым «это интересно». Таким людям респонденты охотно делегируют полномочия разбираться, интересоваться, ходить и действовать в сфере политического: *«Ну, есть друзья, просто очень интересуются политикой. Вот у них больше аналитических способностей, соответственно просто по объему информации. С ними иногда можно обсудить»* (Vadim). Сами респонденты, как правило, не высказывают желания участвовать в политике, выбирая для себя другие области для самореализации: здоровый образ жизни, самообразование, волонтерство, школьный и студенческий активизм и др.

В оценке политики для ряда респондентов значимой оказывалась их внешняя, зрелищная сторона. Такие характеристики частично определялись ситуацией интервью, в которых респондентам предлагались, в частности, фотографии с изображением различных ситуаций политического действия (митингов, пикетов, насилия на политических акциях и др.). Примером внешней, преимущественно зрительной оценки политического события служит, в частности, следующая характеристика акции ЛГБТ во дворе Эрмитажа (июнь 2010 г.): *«Все красиво, все идут. Все красиво сделано. Люди обратят внимание. Такое, может быть, к чему-то приведет»* (Vera)[1]. Возможно, что яркие и зрелищные политические мероприятия могли бы привлечь молодежь, но молодые люди, как правило, представляют себе политику совсем другой.

Большая политика: отчуждение и недоверие

Политические ценности молодых респондентов на первый взгляд кажутся противоречивыми: ценности свободы и самореализации могут в них сочетаться, например, с убеждением, что стране нужны «сильный лидер» и «ежовые рукавицы». Информированная и критические настроенная участница движения «За честные выборы» может отрицать необходимость и возможность демократии в России: *«У нас очень большая страна, чтобы ей управлять, нужна сильная власть. Поэтому у нас, наверное, демократии не будет, она и не нужна нам, нам нужен какой-то свой путь развития и неважно, как это будет называться»* (Serafima).

Видимое противоречие во многом объясняется, если учесть, что свободу и выбор молодые респонденты относят к частной жизни, понимая под свободой возможность для себя и других «делать что

1 В ряде интервью встречалась также отсылка к распространенным визуальным образам политического, например, «*он внешне похож на президента*» (Oleg).

хочешь», а «порядок» и «жесткую власть» относят к стране и государству. Аналогичным образом для респондентов возможна, к примеру, поддержка рыночных свобод в экономике и сдержанное одобрение жесткого руководства Сталина. Первое определяется ожиданиями личного успеха, второе — страхами по поводу возможной нестабильности государства[1]. Два измерения, частная жизнь и государство, практически не пересекаются, следствием чего оказывается отчуждение молодых респондентов от государства, невозможность для них быть причастным его делам.

Политика часто описывалась молодыми респондентами как область, в которой «все давно решено», «выбирать не из кого», и нет надежды что-либо изменить. *«Потому что да, возникает иногда мысль, что все бесполезно, что ни голосуй за кого, все будет, в правительстве все решено давно. И да, я понимаю тех людей, которые выходят с лозунгами. Сейчас-то надежды нет на то, что что-то изменится»* (Tolya).

Любое действие, личное участие в такой политике «бессмысленно», поскольку «ни на что не повлияет»: *«Простите, мое присутствие ни на что не повлияет, конечно, не пойду. Если это бессмысленно, я вообще не собираюсь ни на какой митинг. Если это имеет какое-то значение, то я, конечно, пойду»* (Aziza).

В ситуации, понимаемой как предрешенная и безнадежная, участие в политике становится ритуальным действием, лишенным практического смысла. Таким бессмысленным ритуалом для многих респондентов выглядит голосование на выборах, в которых они, тем не менее, участвуют: *«**О.**: Я выбрал того, кто с конца. **В.**: А, понятно. Простой принцип, я смотрю. **О.**: Ну да. Чтобы ни за, ни против, все равно бессмысленность»* (Vadim).

Аполитичность молодых респондентов сочетается, как правило, с осведомленностью об основных политических событиях в стране. Молодые люди политически информированы хотя бы из-за включенности в социальные сети, где политизированный контент попадает в поле зрения пользователей даже без их особого желания. Заметным событием для респондентов оказались думские выборы 2011 г.; массовые фальсификации представлялись опрошенным очевидным фактом: *«Да те же выборы, боже мой, это все фальсифицировано, естественно. Да и выбирать не из кого, если честно. Вот почитаешь про одного, почитаешь про другого, посмотришь на них и все. И как-то желания идти вообще нет»* (Nina). Политическая информированность делает

1 Представления о «порядке» и «сильном руководстве» часто высказывались в контексте разговора о советском прошлом. Можно предположить, что здесь мы имеем дело во многом с действием исторической памяти, передаваемой в семьях от старшего поколения к младшему.

отказ от участия в политике сознательным выбором. Можно, однако, предположить, что ситуация отчуждения и беспомощности, стоящая за таким отказом, имеет решающее значение вне зависимости от интереса респондентов к политическим событиям.

Стимулы к сознательному участию, например, в протестных акциях обнаруживаются в ситуации, реальной или гипотетической, серьезного ущемления собственных прав и интересов или прав и интересов близкого круга друзей: *«Если бы меня что-то сильно ущемляло бы. Если бы у меня хотели отобрать квартиру, я бы вышла на митинг и на протестную акцию. А если бы в пользу сексуальных меньшинств, нет, не пошла бы. Я не считаю, что это что-то необходимое, и от меня что-то будет зависеть. То есть я за, то что бы у всех были свои права, и у всех было бы все свободно, и они делали, что хотели бы. И если это были мои друзья, я бы, наверное, пошла, а если это не имеет ко мне никакого отношения, то я бы, наверное, не пошла»* (Vera).

Идея участия в протесте вместе с друзьями подразумевает также недоверие к более широкому кругу сограждан. Не входящие в ближний круг родных и друзей «другие», даже лично знакомые, не воспринимаются респондентами как сообщество, частью которого они являются. Именно недоверие к другим сдерживает во многом политическое участие. Молодые люди, даже сильно недовольные политической ситуацией, не готовы выйти на улицу или иначе публично высказать свою позицию, так как ожидают, что их протест не будет поддержан окружающими (настроенными, возможно, не менее критически).

Политическое действие, в отличие от мнения и мысли, рассматривается как исключительно коллективное. В нем, по мнению ряда респондентов, необходима не только массовость, но и присутствие заслуживающих доверия друзей и знакомых, к которым можно присоединиться «за компанию»: *«если бы пришел человек, и сказал бы „пошли“, — такой, который близкий, — я бы пошла»* (Serafima).

Выводы

Исследование обнаруживает сильное отчуждение молодых граждан от политики. Респонденты не воспринимают ее как сферу самореализации, область приложения усилий; она не интересна с точки зрения образа жизни, что особенно важно для молодежи. Аполитичными себя определяли даже те, кто участвовал гражданских акциях (например, петициях) или обсуждал политику со знакомыми: действия, наполненные для них смыслом и эмоциями, они не соотносят с политикой, по определению чужой и формальной. Принципиальная антиполитичность выглядит рациональным выбором молодых граждан, которые не рассчитывают на государство и ищут

самовыражения и развития в других областях, не связанных с политикой.

Молодые респонденты следят за политическими новостями (прежде всего, в социальных сетях), но не готовы к активным действиям в сфере политического из-за ожидаемой «бессмысленности». Бессмысленность протеста вызвана отсутствием обратной связи со стороны формальных политических институтов, недоверием к потенциальным единомышленникам, боязнью остаться в меньшинстве в ситуации публичного несогласия с властью или начальством (на уровне государства, как и на уровне школы или вуза). Политические взгляды респондентов нередко включает в себя идею сильной власти, которая должна контролировать граждан для поддержания общего порядка. Популярность подобной идеи, возможно, также связана с недостатком солидарности и доверия в обществе; эту гипотезу предстоит проверить в дальнейшем.

Библиография

1. *Ерпылева С. Протесты подростков в России и Европе: к вопросу о воспитании политической самостоятельности в демократических сообществах // Сделано в Европе: взгляд российских исследователей (ред. М. Ноженко, Е. Белокурова). — СПб: Норма, 2014.*
2. *Омельченко Е. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 1. С. 59–86.*
3. *Bennett W. L. The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2012. Vol. 644. No. 1. P. 20–39.*
4. *Beck U. Freedom's Children // Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. 2001. P. 156–171.*
5. *Cavatorta F. Arab Spring: The Awakening of Civil Society // A General Overview. Institut Europeu de la Mediterrània, 2012.*
6. *Collin M. The Time of the Rebels: Youth Resistance Movements and 21st Century Revolutions. London: Serpents Tail, 2007.*
7. *Creasap K. Social Movement Scenes: Place–Based Politics and Everyday Resistance // Sociology Compass. 2012. Vol. 6. No. 2. P. 182–191.*
8. *Douzinas C. Athens Rising // European Urban and Regional Studies. 2013. Vol. 20. No. 1. P. 134–138.*
9. *Eurobarometer-2009. The 2009 European Elections. (http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb_special_en. htm)*
10. *Farthing R. The Politics of Youthful Antipolitics: Representing the Issue of Youth Participation in Politics // Journal of Youth Studies. 2010. Vol. 13. No. 2. P. 181–195.*
11. *Gladarev B., Lonkila M. The Role of Social Networking Sites in Civic Activism in Russia and Finland // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. No. 8. P. 1375–1394.*
12. *Juris J. S. Reflections on # Occupy Everywhere: Social Media, Public Space, and Emerging Logics of Aggregation // American Ethnologist. 2012. Vol. 39. No. 2. P. 259–279.*

13. *Maireder A., Schwarzenegger C. A Movement of Connected Individuals: Social Media in the Austrian Student Protests 2009 // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15. No. 2. P. 171–195.*
14. *Youniss J. et al. Youth Civic Engagement in the Twenty first Century // Journal of Research on Adolescence. 2002. Vol. 12. No. 1. P. 121–148.*

References

1. *Beck U. (2001) Freedom's Children. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. P. 156–171.*
2. *Bennett W. L. (2012) The Personalization of Politics Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation. The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 644. No. 1. P. 20–39.*
3. *Cavatorta F. (2012) Arab Spring: The Awakening of Civil Society. A General Overview. Institut Europeu de la Mediterrània.*
4. *Collin M. (2007) The Time of the Rebels: Youth Resistance Movements and 21st Century Revolutions. London: Serpents Tail.*
5. *Creasap K. (2012) Social Movement Scenes: Place–Based Politics and Everyday Resistance. Sociology Compass. Vol. 6. No. 2. P. 182–191.*
6. *Douzinas C. (2013) Athens Rising. European Urban and Regional Studies. Vol. 20. No. 1. P. 134–138.*
7. *Erpyleva S. (2014) Protesty podrostkov v Rossii i Evrope: k voprosu o vospitanii politicheskoy samostoyatel'nosti v demokraticheskikh soobshchestvakh. Sdelano v Evrope: vzglyad rossiyskikh issledovateley (red. M. Nozhenko, E. Belokurova). — SPb: Norma.*
8. *Eurobarometer-2009. The 2009 European Elections. (http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb_special_en. htm)*
9. *Farthing R. (2010) The Politics of Youthful Antipolitics: Representing the Issue of Youth Participation in Politics. Journal of Youth Studies. Vol. 13. No. 2. P. 181–195.*
10. *Gladarev B., Lonkila M. (2012) The Role of Social Networking Sites in Civic Activism in Russia and Finland. Europe-Asia Studies. Vol. 64. No. 8. P. 1375–1394.*
11. *Juris J. S. (2012) Reflections on # Occupy Everywhere: Social Media, Public Space, and Emerging Logics of Aggregation. American Ethnologist. Vol. 39. No. 2. P. 259–279.*
12. *Maireder A., Schwarzenegger C. (2012) A Movement of Connected Individuals: Social Media in the Austrian Student Protests 2009. Information, Communication & Society. Vol. 15. No. 2. P. 171–195.*
13. *Omel'chenko E. (2005) Molodezhnyy aktivizm v Rossii i global'nye transformatsii ego smysla. Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki. T. 3. № 1. S. 59–86.*
14. *Youniss J. et al. (2002) Youth Civic Engagement in the Twenty first Century. Journal of Research on Adolescence. Vol. 12. No. 1. P. 121–148.*

Респонденты

1. Sergei, 18 лет, школьник, Выборг
2. Raisa, 22 лет, высшее образование, безработная, Санкт-Петербург
3. Serafima, 22 года, высшее образование, офисный работник, Санкт-Петербург
4. Vadim, 25 лет, высшее образование, безработный, Санкт-Петербург
5. Vera, 16 лет, школьница, Санкт-Петербург
6. Tolya, 23 года, среднее образование, продавец, Выборг
7. Aziza, 16 лет, школьница, Санкт-Петербург
8. Nina, 18 лет, студента проф. колледжа, Санкт-Петербург